



**КОММЕМОРАЦИИ И «МЕСТА ПАМЯТИ»
В ИСТОРИИ СЛОВАКИИ**

**COMMEMORATIONS AND “PLACES OF MEMORY”
IN THE HISTORY OF SLOVAKIA**

УДК 94"186"(437.6)

DOI 10.30914/2227-6874-2020-13-38-55

Матица словацкая в памяти словаков¹

Д. Кодайова

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы существования Матицы словацкой, открытой в 1863 году декретом австрийского императора и завершившей свою деятельность в 1875 году, когда в Австро-Венгрии наступил период реакции. Эти 12 лет существования Матицы являются до сих пор центральной темой в национальной истории словаков. Автор заостряет внимание на значении этого периода словацкой истории для создания национальных символов, традиций проведения торжеств, формирования образа врага. Отцы-основатели Матицы, по мнению автора статьи, создали новый тип торжественных мероприятий, которые уже в XIX веке приобрели все черты национальной традиции. Исследование базируется на широкой источниковой базе. Приведены свидетельства современников той эпохи, которые принимали непосредственное участие в деятельности этого словацкого культурно-просветительского общества, а также тех, кто в дальнейшем способствовал сохранению в исторической памяти словаков особого места этой организации. В статье показаны «славная» и «горестная» истории Матицы, которые ознаменовали триумф и травму в памяти словаков и сыграли важную роль в формировании национальной идентичности. Исследование проведено в русле методологических подходов исторической памяти, коммеморативной практики, а история Матицы словацкой представлена как пример формирования «мест памяти» в процессе национальной идентификации словаков. Автор статьи приходит к выводу, что символизм в истории Матицы словацкой сыграл более важную роль, чем сама деятельность этой организации.

Ключевые слова: Матица словацкая, Меморандум, места памяти, словацкое национальное движение, национальные торжества, триумф и травма, национальные символы

¹ Перевод со словацкого языка сделан Г. В. Рокиной (подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-00279)).

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта, получившего поддержку «Агентство поддержки исследований и развития» Европейского Союза (APVV-17-0399: От монархии до республики. Процесс транзита общества в Словакии в европейском контексте», Институт истории Словацкой академии наук).

Для цитирования: *Кодайова Д.* Матица словацкая в памяти словаков // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 38–55. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-38-55>

Matica Slovenska in the memory of Slovaks

D. Kodajova

Abstract. The article examines the main stages of the existence of Matica Slovenska, opened in 1863 by a decree of the Austrian emperor and completed its activities in 1875, when a period of reaction began in Austria-Hungary. These 12 years of Matica's existence are still the central theme in the national history of Slovaks. The author draws attention to the significance of this period of Slovak history for the creation of national symbols, traditions of celebrations, and the formation of an enemy image. The founding fathers of Matica, according to the author of the article, created a new type of ceremonial events, which already in the 19th century acquired all the features of a national tradition. The research is based on a wide source base. The testimonies of contemporaries of that era who were directly involved in the activities of this Slovak cultural and educational society, as well as those who further contributed to the preservation of the special place of this organization in the historical memory of Slovaks, are presented. The article shows the “glorious” and “sorrowful” stories of Matica, which marked the triumph and trauma in the memory of Slovaks and played an important role in the formation of national identity. The study was carried out in line with the methodological approaches of historical memory, commemorative practice, and the history of Matica Slovenska is presented as an example of the formation of “places of memory” in the process of national identification of Slovaks. The author of the article concludes that symbolism in the history of Matica Slovenska played a more important role than the activities of this organization itself.

Keywords: Matica Slovenska, Memorandum, places of memory, Slovak national movement, national celebrations, triumph and trauma, national symbols

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of a project supported by the “Agency for Research and Development Support” of the European Union (APVV-17-0399: “From Monarchy to Republic. The Transition of Society in Slovakia in a European Context”, Institute of History, Slovak Academy of Sciences).

For citation: *Kodajova D.* Matica Slovenska in the memory of Slovaks. *West – East*. 2020, no. 13, pp. 38–55. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-38-55>

После поражения революции 1848–1849 годов в монархии Габсбургов было объявлено чрезвычайное положение, и все общенациональные мероприятия были запрещены. Однако вскоре после поражения неоабсолютизма, названного в честь министра Александра Баха баховским абсолютизмом, условия изменились. Окончательно вступила в силу утвержденная в 1849 году конституция. В начале 1860-х годов в стране развернулась пестрая палитра самых различных национальных мероприятий. Создавалось впечатление, что отдельные народности империи соревнуются между собой, как по числу сторонников, так и по числу проведенных акций. В результате изменения внутривластной ситуации и обновления конституции было восстановлено право собраний, относительная свобода печати, возникли новые объединения и союзы. Им больше не приходилось скрывать свою деятельность под прикрытием тайных организаций или под видом научных или просветительских обществ. Лидеры национальных движений получили возможность проводить свои мероприятия публично с использованием национальных символов, национальных цветов, пения, флагов и открытых речей о нации. Благодаря выходящим газетам и журналам у национальных лидеров вырос информационный потенциал влияния на свою целевую группу – нацию. В городах и местечках ставятся театральные постановки, создаются хоровые коллективы, читательские объединения и организуются дискуссии и сборы на поддержку национального движения и его участников, а также издание литературных произведений.

Словацкий поэт Андрей Сладкович (настоящее имя Андрей Брахаротис), сторонник Людовита Штура и так называемой штуровщины, то есть кодифицированного литературного словацкого языка, с восторгом описал наступившие времена: «Дела словаков никогда еще не обстояли так хорошо, как сегодня. Почему? Поэтому. Мы вступаем в реальность и публичную жизнь. Мы больше не говорим только о надеждах и мечтах. Люди могут позволить себе реальные действия на поле более зрелого общества, выходя за пределы уставов образовательных учреждений и студенческих обществ. Час пробил»¹.

В этот период словацким лидерам удалось воспользоваться возникшими благоприятными обстоятельствами и организовать ряд мероприятий, которые уже в ближайшем будущем стали восприниматься как образец национальных празднеств: Собрание в честь принятия Меморандума (1861 г.), празднование тысячелетия моравской миссии святых Кирилла и Мефодия (1863), основание Матицы словацкой (1863). В последующие

¹ List Andreja Sládkoviča Samuelovi Hoičovi. 23.8.1860 [Письмо А. Сладковича С. Гоучеву] // Kraus C. Korespondencia Andreja Skadkoviča. Martin : Matica slovenska, 1970. S. 98.

годы эти торжества стали ежегодными праздниками, которые организовывались Матицей словацкой и получили название «августовские мартинские празднования», так как всегда проходили в годовщину учредительного собрания Матицы словацкой, то есть 4 августа.

Две истории о Матице словацкой

В краткой истории существования Матицы словацкой в XIX веке была непростая ситуация. Возникновение Матицы, энтузиазм, который сопровождал все ее мероприятия, и тот факт, что ее основатели пообещали и дальше продолжать свою деятельность, с которой себя связывали большие группы населения (хотя и не все), сделали Матицу своеобразной витриной словацкого национального движения. В период постепенно нарастающей активности Матицы ее руководители создали новый тип торжественных мероприятий, которые быстро приобрели все черты национальной традиции. Рассказы о Матице, о трудностях ее создания, прекрасно организованном торжественном учредительном собрании, о ее основателях со временем стали частью национального движения. Матица еще только начинала свою деятельность и не успела на деле доказать свою значимость, однако ее восторженные сторонники уже тогда писали о ней как о национальном спасении и защите. Матица выдавалась за исполненную мечту, сбывшийся сон всех словаков. Уже своим возникновением она выполняла объединяющую роль словацкого национального движения. Матица воспринималась как учреждение, объединившее словацких католиков с евангелистами. Сразу после основания Матицы лидеры национального движения стали публиковать в печати материалы о Матице и ее основателях. Эти публикации были оптимистичными и наполнены радостью и надеждой, что Матица – это лишь начало будущих лучших времен для всех словаков. Она будет представлять словаков перед всеми народами, завоеует им уважение и окончательно создаст все необходимые атрибуты нации, которых словакам еще не хватает. Прежде всего она займется исследованием истории словацкого народа, завершит процесс расширения словацкого языка, чтобы весь народ мог им овладеть.

После закрытия Матицы сразу же появились авторы, которые стали писать и распространять материалы о ее закате, о крахе надежд словаков на развитие полноценной национальной жизни. История о запрете Матицы таким образом также становилась частью общенациональной истории. В этой истории были обозначены имена врагов словацкого народа. К истории основания Матицы, которая составляла триумфальную часть национальной истории, присоединилась трагическая история о запрете Матицы. В период с 1875 года до возобновления деятельности Матицы в 1919 году эта трагическая история стала ответом на вопрос о том, кто является

врагом словаков. Ими были объявлены венгерские власти, венгерское правительство и мадьярский национализм.

Матица словацкая как место памяти

Хотя Матице словацкой было суждено просуществовать всего 12 лет (1863–1875), она стала одной из центральных тем в национальной истории словаков. В сообществе словацких националистов («народников») память о Матице культивировалась «как особый священный культ». Автор, впервые употребивший этот термин, опубликовал свой текст в 1894 году в журнале «Дом и школа». Парадоксально то, что этот автор, используя термин «священный культ», при этом не принимал тот факт, что национальное движение считало «священной» датой 4 августа 1863 года. Автор предложил не упоминать 4 августа 1863 года в связи с Матицей, а назвал другие даты – 21 августа и 12 ноября. 21 августа 1862 года император, «его суверенное правосудие и отцовская милость его величества, разрешил и узаконил Матицу словацкую и ее устав». В этот день разрешение на открытие получило литературное общество с названием «Матица словацкая». Вторая дата, предложенная автором в качестве памятной, была 12 ноября. Это было связано с событием 12 ноября 1875 года, когда министр внутренних дел Коломан Тиса издал приказ о закрытии Матицы. Окончательное закрытие Матицы произошло несколько дней спустя, 24 ноября, когда «был совершен ужасный инквизиторский акт» [13, s. 52]. Министр внутренних дел принял решение о закрытии Матицы на основе материалов следствия, возбужденного против Матицы, в которых утверждалось, что «общество не занимается литературной деятельностью, а ведет политическую агитацию в духе панславизма, издает ненавистные венгерскому государству публикации, использует собственность в нарушение устава и в личных целях» [14, s. 95].

Автор упомянутой статьи предложил считать памятными датами дни открытия и запрета Матицы. Деятельность Матицы, согласно этим хронологическим рамкам, не вошла в этот период. Это проявляется довольно часто и в воспоминаниях о Матице: описываются имперское разрешение и радостный энтузиазм, которое оно вызвало в стране, затем славные дни Матицы 1863 года и наконец, усиление мадьяризации в Венгрии, в результате которой деятельность Матицы была запрещена. Таким образом, получалось, эти два официальных акта – открытие и запрещение Матицы – ставились выше, чем деятельность ее основателей? Ответ нужно искать в понимании того, что означала Матица словацкая для словаков. Идею? Общество? Здание? Знаменитую эмблему, изображение креста на трех холмах? Изданные публикации? Неповторимое чувство сопричастности и атмосфере единства на общих собраниях?

Матица как символ

При поиске ответа на этот вопрос: что же символизирует Матица словацкая для словаков, – сразу возникает много новых вопросов. Например, является ли Матица для словаков символом? Если да, то что означает этот символ? Символизирует ли он то, что разрешение императора на открытие культурно-просветительского общества было равнозначно, как если бы он выдал свидетельство о признании существования словацкой нации? Возможным ответом может быть утверждение, что символом стало закрытие Матицы, а это был символ волеизъявления властей. В этой интерпретации символ запрета Матицы дополняет национальную историю тех невзгод и несправедливостей, которые словаки терпели по вине политики Будапешта и Вены, и становится ярким эмоциональным примером.

Светозар Гурбан-Ваянский оценил национальное развитие словаков как «хронику страданий нашего народа», но в 1860-е годы он писал, что «мы можем смело назвать этот период словацкой жизни периодом Меморандума и Матицы. Эти два великих факта в нашей жизни настолько поглотили весь словацкий духовный мир, что все остальные вопросы отпали»¹.

Анализ воспоминаний деятелей Матицы и представителей словацкого национального движения более позднего периода показывает, что наиболее распространенными и повторяющимися в них мотивами были небывалое воодушевление и символика. В случае с Матицей словацкой символизм сыграл более важную роль, чем сама деятельность этой организации. Матица представлялась как наивысшее национальное достижение. И как главное событие – она сыграла незаменимую роль в процессе формирования нации, поэтому Матице принадлежит важное место в памяти о национальном прошлом. Национализм принес с собой феномен национальных мероприятий – праздников, торжеств, национальных собраний, паломничества в места не только религиозного значения, но и места, связанные с событиями светского и национального характера. И Матица стала одним из таких мест памяти словаков. Под Матицей в данном случае подразумевается идея Матицы, ее здания, библиотека, символика, которые концентрировали в себе память о Матице.

Национальные торжества как двигатель национализма

Национальные мероприятия были организованы группой ведущих народников. Их программа была составлена таким образом, чтобы они

¹ Vajanský S.H. *Nálady a vyhl'ady. Pokus znázornit' terajší slovenský myšlienkový obzor s rozpomienkami na minulosť*. Эссе 1897 года. Цитируется по: Svetozár Hurbán Vajanský. *Knižnica slovenskej literatúry*. Bratislava: Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, 2008. S. 284.

соответствовали целям национального сообщества. Прежде всего ставилась задача помочь всем участникам осознать свою сопричастность и укрепить чувство единства разрозненных профессиональных, конфессиональных, региональных групп в единое языковое национальное объединение. Научная литература приписывает таким действиям свойство и возможность «помочь тому или иному сообществу проявить себя в чужой среде как отличительное целое, опираясь на общие обычаи, традиции или прошлое» [7, s. 55]. Для такого сообщества при выработке единых требований и программ важно создавать объединяющие истории. Не менее важно было и их публичное представление. Таким образом сообщество выделяет себя перед другими сообществами. Одна из форм внешних публичных проявлений – это торжества. Если оценивать торжества в честь основания Матицы словацкой в этом контексте, необходимо сказать, что это было одно из наиболее успешно организованных национальных мероприятий. И это объясняется не только ходом мероприятия, но и числом участников и гостей, откликами в прессе и памятью, которую сохранили в своих воспоминаниях не только его участники, но и те, кто узнал о нем посредством письменных текстов; а также тех, кто не участвовал в акте основания Матицы, или даже еще не родились к тому времени, а знают о них из откликов от других или прочитали в прессе. Задача организаторов национальных праздников заключалась в том, чтобы подготовить мероприятие для непосредственных участников и распространить информацию о нем в прессе в виде статей, листовок, воспоминаний или в художественной форме, чтобы сохранить память о мероприятии. Важным было то, что они формировали ту историческую память, которую хотели сохранить. Таким образом, количество людей, принявших непосредственное участие в мероприятии, расширялось за счет тех людей, которые о нем узнали. Распространяя информацию о национальных торжествах, его организаторы закрепляли память об этих событиях в том виде, в каком они сами их задумывали, чтобы она вписывалась в их версию национальной истории.

Те, кто читал о мероприятии и принимал ценности, пропагандируемые организаторами национального праздника, становились косвенными участниками события и таким образом способствовали увеличению общего числа участников торжества. Их опосредованное участие в событии усиливало эмоциональную связь не только с самим событием, но и с национальным сообществом, с нацией в целом. Чтобы добиться такого эффекта, усилия организаторов должны были отвечать ожиданиям других присутствующих. В случае с Матицей эта гармония подтверждается огромным числом писем из разных регионов Словакии, в которых приветствовали епископа Штефана Мойзеса, подготовительный комитет Матицы и других официальных лиц. В словацкой историографии это обращение к инициаторам

и организаторам общества расценивается как плебисцит¹. Хотя этот термин заимствован из совершенно другой социальной ситуации, руководители Матицы использовали его для обозначения числа голосов, отданных в поддержку их общества.

Эмоциональный фон создавался не только личными переживаниями, но и опосредованно, через описания и в первую очередь через формирование памяти об этих национальных праздниках. При этом использовались те слова и определения, которые не могли быть нейтральными, обычными. Напротив, они должны были нести эмоциональный заряд, а это достигалось с помощью элементов перформанса. Праздник был задуман и реализован как своеобразная театральная постановка. Участники отрепетировали роли, действия, использовали слова, жесты и символику, чтобы наилучшим способом решить задачу организаторов. Таким образом, в программе активное участие приняли не только ее организаторы, но и посетители, которые не оставались пассивными зрителями. Программа включала совместное шествие, совместные молитвы, угощение и отрепетированную культурную программу. В заключение праздника обычно были бесплатные развлечения. В Словакии было обычаем все действия сопровождать пением. Совместное пение также способствовало формированию чувства общей принадлежности, как и другие совместные действия на торжествах. Все это вызывало положительные эмоции не только в момент самого действия, но и в ретроспективе, с течением времени. Многие народники в своих воспоминаниях с глубоким переживанием вспоминали эти поездки и национальные праздники, театральные представления и «другие национальные просветительские мероприятия». Например, Йозеф Милослав Гурбан кратко выразился таким образом: «Раньше это был праздник, полный радости»².

С матичными торжествами, которые проводились одновременно с ежегодными собраниями Матицы словацкой, был связан определенный ритуал. Гости приходили постепенно, собирались перед костелом, потому что само торжество начиналось с общей молитвы. Затем гости передвигались по городу в сторону здания Матицы. Хотя здание Матицы еще не было построено, процессия собиралась у импровизированной деревянной

¹ Eliáš M. Z prameňov národa. Na pamiatku 125.výročia vzniku Memoranda slovenského národa z roku 1861. Martin: Matica slovenská, 1988. S. 56. 92 письма епископу Ш. Мойзесу за период с декабря 1861 года до мая 1863 года содержали около 4 тысячи подписей. Письма были опубликованы в «Пештбудиных ведомостях» в 1861–1863 годы. Позже, в 1947 году, их издал отдельной публикацией Антон А. Баник под названием «Pozdravné listy Štefanovi Moysesovi» [Поздравительные письма Штефану Мойзесу]. Martin : Matica slovenská, 1947.

² Hurban J. M. Slovensko a jeho život literárny // Dielo II. Bratislava : Tatran, 1983. S. 200.

сцены, украшенной ветками и лентами в национальных цветах, т. е. в сочетании бело-голубых-красных цветов. Последовательность процессии была отретирована и повторялась в последующие годы. Картины, которые несли в процессии, цвета украшений, цветы, ветки – все это имело свое значение и определенное место. Одежда, флаги, тип музыки, выбор песен и порядок отдельных действий повторялись до тех пор, пока не был создан ритуал. Повторение ритуала создавало новые элементы и символы, которые были хорошо понятны и ясны для всех членов сообщества [9, s. 7].

В национальной и конфессионально смешанной словацкой среде использование символики играло важную роль. В первую очередь это было связано с ее самобытностью. Внешняя и внутренняя символика национальных праздников создавалась при помощи вербальных и невербальных приемов. (5, s.129–152). Их воздействие было взаимно, но при этом каждый из них имел свою самостоятельную ценность.

Для организации Матицы «... приложим руки, и сердце, и кошельки»

Призыв к созданию Матицы словацкой как организации, которая будет содействовать дальнейшему развитию национальной активности, был сформулирован в обращении священника и национального лидера Штефана Гироша в заключительной части собрания в честь принятия Меморандума. Он призвал всех присутствующих принять идею создания организации и начать для этого сбор средств, осознавая, что каждый должен будет внести свой вклад – «приложим руки, и сердце, и свои кошельки для предстоящих работ для жизненного учреждения своего народа»¹. Матица уже на подготовительном этапе воспринималась как общее дело, общая задача, которая будет выполнена лишь благодаря совместным усилиям и финансовому вкладу каждого ее будущего члена. Еще накануне основания Матица олицетворяла «единство любителей нации и словацкой жизни», что позже будет отражено в ее уставе.

Еще одну волну радости вызвало официальное разрешение на создание Матицы 21 августа 1862 года. С успехом начался сбор финансовых средств, а также предметов, документов, книг и этнографических материалов, которые должны были стать экспонатами будущего музея и пополнить архив. Постепенно ускорилось строительство здания Матицы. В течение трех лет с момента основания общества уже были готовы первые помещения.

¹ Цитируется по протоколу собрания, который вместе с другими принятыми документами собрал и обработал А. Сладкович. Изданы они были лишь в 1941 году. (См.: Slovenské národné zhromaždenie v Turčianskom Sv. Martine 1861. Hrušovský F. (ed.). Turč. Sv. Martin : Matica slovenská, 1941. S. 229.

В дальнейшем, однако, темп строительства замедлился, и здание долгие годы оставалось недостроенным. В атмосфере энтузиазма воодушевленные национальные патриоты пообещали выплатить членские взносы как можно скорее, хотя во многих случаях это было выше их реальных финансовых возможностей. Если кто-то хотел стать одним из учредителей Матицы словацкой, он должен был заплатить 100 золотых или вносить по десять золотых двенадцать лет подряд, и таким образом заплатить всего 120 золотых. Полноправный член должен был заплатить 50 золотых, а для так называемого годового членства необходимо было заплатить 3 золотых [1, s. 15]¹.

На общее учредительное собрание пришло около пяти тысяч человек. Одним из них был будущий вице-председатель Матицы Вильям Паулини-Тот. О своих впечатлениях он писал в письме Марине Ходжовой следующим образом: «...Я увидел первый росток нашей славы, я увидел зерно будущего Словакии, и испытал целый мир до этого еще неиспытанной радости и блаженные моменты национальной славы»². Матица тех времен, в 1860-е годы, вызывала положительные эмоции, и с ее будущим у национальных лидеров действительно были связаны большие надежды, «невообразимый мир радости», как сказал будущий вице-председатель Матицы. Вилиам Паулини-Тот прибыл из Буды, где он тогда жил, чтобы основать Матицу, и после переезда в Мартин он стал ее вице-председателем и даже жил в служебной квартире завершенной части здания. В его случае радостное настроение понятно. Радость и большие надежды в связи с Матицей высказал и Светозар Гурбан-Ваянский, который не принимал участия в основании Матицы и ее деятельности, так как был на поколение моложе Паулини-Тота. Ваянский приехал в Мартин только в 1878 году, когда ему предложили там должность редактора. В то время он мог увидеть только закрытое недостроенное здание Матицы. Он стал свидетелем нескольких попыток народников подачи заявления венгерским властям о повторном разрешении на деятельность Матицы. Но ни одна из этих попыток так и не увенчалась успехом. Что же стало источником радостных воспоминаний Ваянского о Матице, когда он написал праздничный текст по случаю столетия со дня рождения епископа Штефана Мойзеса, первого председателя Матицы? В этом тексте Ваянский подчеркнул, что надежда, озарившая словаков после получения разрешения на создание национального общества, стала судьбоносной и поставила Матицу в положение чудесного спасителя национальной жизни. «... Наша Матица была для словацкой нации гораздо больше, чем простое литературно-

¹ Устав Матицы словацкой различал учредителей, рядовых и годовых членов.

² Liba P. (ed.). *Listy Viliama Pauliny-Tótha Maríne Hodžovej*. Bratislava : Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1961. S. 82.

просветительское объединение, в ней было почти все, на чем могло держаться национальное чувство, национальное сознание, национальная гордость и надежда; это было выражение и явный символ словацкой нации, это был символ всей духовной жизни словацкого народа... Да, я признаю это смело, это была Матица; признаю, что это было больше, чем об этом говорит первый параграф устава... это было больше хотя бы потому, что словаки не имели ни исторической памяти, ни единого политического или национального социального органа, у них не было ничего объединяющего, объединяющего их всех, кроме того, что через тьму бессознательного счастливо сохраненное имя Словак, словацкий, словацкий язык, словацкость. И это настоящее чудо!»¹. В словацкой историографии и по сей день сохраняется точка зрения о том, что Матица была не только культурным объединением, но и стала символом нации и ее существования [2, s. 70].

Основатели Матицы создавали ее как библиотеку, издательство, музей, архив, театр; она должна была сосредоточить в себе и другие образовательные общества, быть своего рода сокровищницей для другой национальной деятельности и прежде всего представлять словаков в контактах с другими народами. В тех условиях, когда царили эйфория и энтузиазм, никто не задавался вопросом, сможет ли какое-либо объединение добровольцев осуществить такие планы, тем более что в то время у них даже не было собственного помещения, необходимого для такой деятельности. С этой точки зрения представляется, что для основателей Матицы она олицетворяла некий идеал, мечту, желание. Но приятно осознавать, что они понимали, что для осуществления их мечты потребуются и труд и воля. Матица представлялась для них смыслом и доказательством жизнеспособности нации, основой для дальнейших шагов на пути к достижению прав словацкой нации.

Канун дня основания Матицы – уникальный момент в жизни нации

Основание Матицы сопровождалось обрядами, речами, шествием, пением и слезами счастья. Нация должна была почувствовать, что это необычное и уникальное событие, поэтому рассказы и тексты о Матице должны были нести праздничную окраску. Во время матичных торжеств был создан и систематизирован ритуал, который в дальнейшем был повторен организаторами национальных праздников в других местах, даже если они не могли достичь уровня первоначального обряда. Современники стали свидетелями неповторимой атмосферы путешествия епископа Штефана Мойзеса на учредительное собрание из Банской-Бистрицы,

¹ Vajanský S.H. Storočná pamiatka narodenia Štefana Moysesesa, biskupa baňsko-bystrického, jeho veličenstva skutočného tajného radcu, doktora filosofie, predsedu Matice slovenskej atď. Turčiansky Sv. Martin: 1897. S. 89–90.

резиденции епископа, в Мартин, город в Турчанской столице, ставший резиденцией словацкой Матицы. Толпы людей выстроились вдоль дороги. Они восславляли епископа за то, что он стал председателем Матицы. Епископ и сопровождающие его лица несколько раз проходили под арками из веток деревьев, украшенных растениями и лентами в национальных цветах. Звонили колокола церковных колоколов. Это было триумфальное шествие, которое в Словакии связывали только с путешествиями членов королевской семьи. Шествие епископа и его сопровождения напоминало шествие молодого императора в 1852 году, его первую поездку в горную Венгрию, т.е. территорию современной Словакии, после его вступления на трон в 1848 году [12]. В такой же торжественной обстановке проходила встреча католического епископа Мойзеса с евангелистским суперинтендантом Каролом Кузмани. Кузмани, опытный проповедник и оратор, сказал: «Вы идете совершить поступок, который играет решающую роль в истории этого народа, это будет памятник прошлому, фундамент будущего». В словацких условиях важным символом было то, что на начальном этапе существования Матицы ее возглавили священники двух конфессий – католический епископ и евангелический суперинтендант. Это надконфессиональный настрой сохранился в исторической памяти о Матице.

Счастливые моменты славы народной

Праздничные моменты переживали участники торжеств и во время церемонии, которая состоялась на следующий день, 4 августа 1863 года. После протокольного вступления, чтения приветствий и списков участников Матицы наступило время передачи утвержденного оригинала устава Матицы словацкой. Этот акт должен был совершить Ян Францисци. Устав был в покрывале, который собственноручно вышила его жена ¹. Акт символической передачи устава народу, который совершил Ян Францисци, напоминал библейскую сцену явления Моисея с каменными скрижалями. Францисци представил устав, сопроводив это действие заранее утвержденным текстом: «Это наша золотая булла! Это наш гражданский диплом, до этого мы были чужеземцами в собственной отчизне, а теперь мы граждане отчизны. Это договор нашего национального единства!» [14, s. 55] Эта многозначительная сцена наполнила глаза присутствующих слезами счастья и национальной гордости.

Учредительное собрание Матицы словацкой длилось три августовских дня 1863 года и помимо официальной программы сопровождалось различными общественными мероприятиями, балами, совместными службами,

¹ Francisci J. Vlastný životopis. Bratislava : Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1956. S. 300.

обедами и прогулками. Ежегодно повторяющиеся матичные празднества были настоящим чудом в том, как маленький город принимал от пятисот до тысячи гостей, справляясь с их размещением. В эти праздники Мартин старался скрыть скромность своей небольшой территории за роскошным убранством, предложением развлечений, на которые приезжали гости в национальных костюмах, которые они во многих случаях должны были одолжить, потому что они уже не носили такую одежду. На концерты и театральные представления они одевались в выходную одежду, костюмы и фраки, что в свою очередь несколько дисгармонировало с деревенскими улицами Мартина. Первые годы, когда здание Матицы еще не было построено, гулянья проходили под открытым небом на импровизированной деревянной сцене, известной как «народная постройка». Ян Франциши, почетный вице-председатель Матицы, успешно организовал сбор средств на строительство здания Матицы. В 1864 году в рамках августовских праздников в Мартине состоялась символическая церемония закладки первого камня в фундамент будущего здания Матицы. Организаторы праздника заложили в его фундамент три предмета: русскую серебряную монету, позолоченное серебряное кольцо с надписью «Меморандум» и серебряный «памятник тысячелетнему юбилею святых Кирилла и Мефодия», который отмечался в июле 1863 года. Можно предположить, что русская монета символически защищала славянство; напоминание о тысячелетии Кирилла и Мефодия должно было символизировать христианство, а перстень, украшение, изготовленное и продаваемое во время торжеств в честь принятия Меморандума 1861 года, когда возникла программа словацкого национального движения, должно было представлять словаков как нацию [3].

В последующие годы количество гостей на торжествах в Мартине стабилизировалось примерно до пятисот человек. Гости объясняли, что они пришли в Мартин для того, чтобы набраться новых сил для дальнейшей народной деятельности, попеть, посмотреть театральные постановки, погасить свои финансовые долги перед местными редакциями. Члены совета Матицы зачитывали списки членов и оплаченных взносов. В Матице зародилась традиция публикации открыток, а затем и фотографий эмблемы Матицы, покрывала ее устава, здания Матицы, ее деятелей. Для того чтобы Матица могла представлять нацию, нация должна была знать ее активных членов, просветительские и учебные издания, календари и тому подобное¹.

¹ Юлиус Ванович с определенной иронией назвал эту сторону издательской деятельности Матицы популяризирующей-себяутверждающей. С другой стороны, отождествление с Матицей как своим народным обществом было легче достичь, если создавалась ассоциация с конкретными личностями, которые стояли во главе, а рядовые члены или симпатизирующие узнавали о них посредством «галереи передовиков матичных времен» [11, s. 87].

Постепенно Матица превратилась в национальную икону. А Мартин с Матицей, действующей или уже закрытой, был навсегда связан с представлением о городе, имеющем статус национального центра. После закрытия Матицы среди национальных лидеров, которые не жили и не работали в Мартине, возникало отторжение к деятельности, сосредоточенной лишь в Мартине. Тем более что после закрытия Матицы снизилось значение Мартина как центра национальной жизни. Ф. В. Сасинек, приехавший в Мартин, чтобы систематизировать библиотеку и архив Матицы, вздыхал после его закрытия в 1875 году: «То, что когда-то было тихим и священным Олимпом для греков, было для нас, словаков, Матицей словацкой»¹. Аналогичные формулировки, которое якобы прозвучали в здании венгерского парламента, приписываются депутату парламента В. Паулини-Тоту: «Чем является для мадьяров Академия, то есть для словаков Матица, чем является для Пешта Музей, то есть для Мартина дом Матицы, что есть для мадьяр мадьярский театр, то есть для словаков зал дома Матицы в Мартине!» [2, s. 71].

Память о Матице и Мартин в период существования Матицы приобрела почти религиозный характер. Путешествие в Мартин на торжества Матицы националисты сравнивали с паломничеством, а епископа Мойзеса называли «Моисеем словацкого народа», деятелей Матицы означали как «апостолов просвещения на лоне словацкого народа»². Мартин стал приравниваться к «центру национальной жизни», а Матица – к «материнскому охранному покрову» подобно тому, как в религиозных текстах писалось об покрове девы Марии.

«Потом наступили холода»

Первая половина 1860-х годов принесла словацким национальным лидерам, помимо работы, и счастливые моменты, которые на долгие годы стали источником ностальгических воспоминаний и национальной гордости. Однако все изменилось после установления австро-венгерского дуализма в 1867 году. В новых условиях венгерские власти не проявили политической воли сохранить деятельность народного общества невенгерской национальности и поэтому предприняли планомерную атаку на Матицу. С Матицей теперь не ассоциировались радостные чувства, а наоборот, теперь она вызывала чувства тревоги, угрозы и плохих предчувствий... Но и в самых страшных предчувствиях у национальных лидеров не было даже предположения, что учреждение, которое открыл сам император, будет закрыто.

¹ Sasinek F.V. Slovenský letopis pre historiu, topografiu, archeologiu a etnografiu. Skalica. Roč. 1. 1876.

² Kozáček J. Reč, ktorou deviate valné shromaždenie Matice slovenskej v Turč. Sv. Martine 2. aug. 1871 otvoril // Letopis Matice slovenskej, 1871. Roč. 7. Zv. 2. S. 80–83. Эту речь публиковали и в «Народних новинах». 1871. II. Č. 91. S. 1.

Пока Матица существовала, она был бастионом для словацкого национального движения. Когда Матицу закрыли, она стала символом словацких страданий и свидетельством того, в каких сложных национальных и культурных условиях жили словаки в Венгрии [6, s. 115].

В декрете о роспуске Матицы делалась ссылка на материалы следствия, хотя члены совета Матицы не были даже заслушаны. Горьким прикусом ликвидации было последующее использование имущества Матицы в пользу общества, которому был характерен мадьярский дух. Опыт травмы, связанный с судьбой Матицы, стал одной из основных вех в истории сложных словацко-мадьярских отношений. Информация о закрытии Матицы была опубликована в «Народных новинках» в виде траурного объявления на первой полосе с текстом в черной рамке. Объявление должно было напомнить о том, что Матица «умерла» насильственной смертью¹. Этот мотив в дальнейшем можно проследить в высказываниях и сочинениях ораторов и писателей, когда они использовали термин «возрождение Матицы» в связи с возобновлением ее деятельности после 1919 года.

Матица осталась в сердцах и памяти

Коллективная память, в ее позитивном и негативном вариантах, является ключевым средством для сохранения идентичности, и особенно эффективно она поддерживается созданным образом врага. И в этом смысле память о Матице особенно показательна, потому что враг был очевиден и ясен, и именно враг причинял вред, запрещал и не признавал словаков как нацию в самых разных обстоятельствах.

Надежды, связанные с Матицей, которые на нее возлагали словаки, полностью не оправдались, но это не означает, что Матица была забыта. Наоборот, память о ней постоянно возвращалась. Даже после закрытия память о Матице всегда оставалась эмоциональной, она будила воспоминания о счастливых временах, которые, к сожалению, прошли. Несмотря на то, что Матица была разрушена, а имущество конфисковано, память о Матице жила. Жива была и идея создания общенационального учреждения по примеру Матицы. Это происходило потому, что она была для словаков тем, что у других народов олицетворяли парламенты, правительства, министерства, крупные процветающие организации и политические партии. Такой институт мог появиться только у несвободной нации [8, s. 15]. Часто подчеркивается многофункциональный, разносторонний характер воспоминаний, связанных с Матицей. Это объясняется тем, что Матица идеально воплощала в себе все, что может дать живая память. Это было конкретное место, с которым связаны чувства национальной гордости и единения, где

¹ *Národné noviny*, 13. Apríla 1875.

собиралась нация, готовая принести жертвы. Это одно из важнейших свидетельств, которое сохранила память о Матице, и в то же время это одна из самых трогательных страниц истории о Матице. С рациональной точки зрения можно было бы предположить, что на основе пожертвований не невозможно создать что-либо существенное. Здание, книжные издания, зарплаты чиновников, расходы на проведение общих собраний покрывались крупными пожертвованиями и регулярными членскими взносами. В большинстве случаев донорами других славянских матиц были богатые графы, магнаты, высокопоставленные правительственные чиновники и церковные иерархи. Словацкая же Матица была поддержана широкими слоями народа – в этом была ее специфика [1, s. 21]. Значение пожертвований, которые вносили вдовы, студенты, бедные священники, крестьяне, было не в сумме. Значение в том, что общими усилиями можно сделать очень многое. Благодаря совместным пожертвованиям и вкладам Матица стала общим делом, что придавало ей необычайно важное значение. Это делало Матицу не только мартинским, а общим словацким достижением.

Хотя Матица была общественной организацией, она практически не развивала классическую общественную деятельность. От нее ждали гораздо большего. Ожидалось, что она будет представлять нацию. Каждое общество должно вести внутреннее делопроизводство, которое также служит для фиксации памяти. Ежедневная и задокументированная деятельность и культурная манифестация в обществе в XIX и XX веках были связаны с созданием положительного имиджа организации (общества). Регулярное упоминание в годовых отчетах, юбилейных сборниках и журналах общественной организации было очень избирательно [4, s. 203]. Что касается Матицы, то удивительно, насколько были несоизмеримы энергия, которую уделяли организации церемониальных общественных собраний, и внимание рутинной ежедневной работе. Хотя отчеты публиковались ежегодно, сами члены комитетов осознавали, что Матице угрожает опасность, что она может утонуть в собственном стереотипе о комитетах и общих собраниях, при представлении отчетов и счетов [13, s. 42]. Даже специалисты по источниковой базе Матицы утверждают, что трудно восстановить реальный вклад отдельных личностей, так как все они были «незримо переплетены» [14, s. 24].

Лидеры словацкого национального движения, которые оставили свои мемуары, вспоминали годы до появления Матицы как годы молчания и глухоты, а ее деятельность оценивали как «золотой век» и «звездные моменты национального движения», после которых была лишь удушающая мадьяризация. Наступили годы, когда недостроенное здание Матицы кричало как восклицательный знак. Светозар Гурбан-Ваянский очень образно описал это время: «В руинах, грязи, паутине четверть века она стояла, с тех пор, как незаметная рука вырвала сердцевину из раковины...» Подобная судьба

постигла и музейные коллекции Матицы. «... В музее мыши, моль изучают рукописи, а тараканы, пруссаки, полчища насекомых, совершают прогулки по полкам: чтобы видел мир и народ ... как правительство ценит храм просвещения!»¹. В стихотворении начала XX века «Здание Матицы в Мартине» автор оплакивал не разрушение здания как таковое, а то, что Матице помешали выполнить свою миссию быть «храмом просвещения». Ведь даже в то время, когда здание было недостроенное, чувство гордости вызывала даже самодельная деревянная сцена. И в этом очарование словацких условий, когда «... нет мрамора, камня, драгоценных металлов: только леса и дерево, вечные словацкие истоки» [10, s. 82].

О двенадцатилетнем периоде деятельности Матицы словацкой писалось как о «возрождении нации», о Матице – как «колыбели национальной жизни» и «величайшем достижении добыче», которое словаки сумели получить в после 1860 года, и как о великом литературном объединении². Эти годы описываются как время, когда «герои героического периода жили среди нас». «Это было драгоценное, красивое и многообещающее представление всей нации, инструмент, с помощью которого нация могла время от времени показать себя перед остальным славянским миром»³. Память о Матице четко различала период о ее возникновении как общенациональном радостном переживании, и время запрета ее деятельности и закрытии как еще один камень в мозаике страданий словацкого народа.

Призыв о «возрождении нации» через Матицу провозгласили в 1918 году политики, деятели культуры и 33 еще живых старых деятеля Матицы, когда «возродили» в новом государстве – Чехословацкой Республике, Матицу словацкую. Они не использовали слово «обновили», а применили термин «возродили». Таким образом, инициаторы ее новой жизни вновь ожидали от Матицы «великих дел» в пользу культурной, общественной и представительной деятельности.

¹ Стихотворение «Здание Матицы в Мартине» (без даты, около 1900). Цитируется по: *Sobrané diela Svetozára Hurbana Vajanského. Sväzok VII. Trnava, 1925. S. 229–230.*

² Vlček J. *Dejiny literatúry slovenskej. Turčiansky Sv. Martin: 1890.* Цитируется по изданию 1933 года. S. 275.

³ Vajanský S.H. *Nálady a vyhl'ady. Pokus znázorniť terajší slovenský myšlienkový obzor s rozpomienkami na minulosť.* Эссе 1897 года. Цитируется по: *Svetozár Hurban Vajanský. Knižnica slovenskej literatúry. Bratislava : Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, 2008. S. 387.*

References

1. Eliáš M., Haviar Š. *Zlatá kniha Matice slovenskej.* Martin : Matica slovenská, 2008.
2. Eliáš M. *Z dejín matic slovanských národov.* Martin : Matica slovenská, 2010.

3. Kodajová D. Národné oslavy – demonštrácia slovacity. *Pekarovičová J., Vojtech M., Španová E. (eds). Studia Academica Slovaca. Roč. 40.* Bratislava : Filozofická fakulta, 2011, S. 165–180.
4. Mannová E. Dobročinné spolky a konštruovanie kolektívnych identít. *Csáky Moritz, Mannová E. (zost.). Kolektívne identity v strednej Európe v období moderny.* Bratislava : Academic Electronic Press, 1999.
5. Maťovčík P. Symboly Matice slovenskej. *Biografické štúdie.* 16, 1990, S. 129–152.
6. Mráz A. Matica slovenská v rokoch 1863–1875. Ludová knižnica. Zv. I. Turčiansky Sv. Martin : Matica slovenská, 1935.
7. Pargač J. Lidové slavnosti jako faktor etnické, regionální a lokální identity a integrity. *Pargač. J. (zost.). Kulturní symboly a etnické vědomí.* Praha : Bohemia, 1995.
8. Rosenbaum K. Matica slovenská v dejinách nášho národa. *Biografické štúdie.* 16. Martin : Matica slovenská, 1990.
9. Škvarna D. Začiatky moderných slovenských symbolov. K vytváraniu národnej identity od konca 18. do polovice 19. storočia. Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bela, 2004.
10. Vanovič J. Druhá kniha o starom Martine (1863–1875). Martin : Vydavateľstvo Matice slovenskej, 1993.
11. Vajanský S. H. Knižnica slovenskej literatúry. Bratislava : Kalligram a Ústav slovenskej literatúry SAV, 2008.
12. Vetráková A. Cesta zmierenia: návšteva Františka Jozefa v Uhorsku roku 1852. *Kušniráková I. a kol. „Vyjdeme v noci vo fackovom sprievode a rozsvietime svet“. Integrovaný a mobilizačný význam slávností v živote spoločnosti.* Bratislava : Historický ústav SAV, 2012, S. 137–151.
13. Winkler T. Vrastanie do času. (Rozprávanie o Matici slovenskej), Martin : Matica slovenská, 1992.
14. Winkler T., Eliáš M. a kol. Matica slovenská. Dejiny a prítomnosť. Martin : Matica slovenská, 2003.

Статья поступила в редакцию 16.08.2020;
одобрена после рецензирования 18.09.2020; принята к публикации 14.10.2020.

The article was submitted 06.08.2020;
approved after reviewing 18.09.2020; accepted for publication 14.10.2020.

Об авторе

Кодайова Даниела

PhD, научный сотрудник, Исторический институт Словацкой академии наук, Словацкая Республика, г. Братислава, daniela.kodajova@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the author

Daniela Kodajova

PhD, Research Fellow, Institute of History of the Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovak Republic, daniela.kodajova@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.